

© А.О. Слудняков

СТОЛ И КРАСНЫЙ УГОЛ В ИНТЕРЬЕРЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЫ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ*

Один из малоизученных аспектов истории традиционного крестьянского жилища – эволюция его интерьера. В частности, почти не исследованным остается вопрос о положении стола в избе по отношению к другим элементам интерьера и внутренней планировки жилища.

В настоящее время широко распространено мнение, что то или иное расположение стола – этнический признак, относящийся к неким глубинным явлениям материальной культуры. При этом часто употребляются термины "русское" и "карельское" положение стола, под коими понимается нахождение его в красном углу (переднем, "большом" и др.)¹ и по середине лицевой стены (*Орфинский, Гришина* 1997: 80–81; *Гришина, Логинов* 2001: 147). Также считается, что "у стола было свое постоянное место в пространственных координатах избы..." (*Лавонен* 2003: 3), которое не менялось с течением времени и восходит еще к глубокой древности.

К тому же стол и красный угол в избе считаются не просто частью интерьера, но объектами, организующими пространство, причем как внутри избы, так и, возможно, во всей усадьбе. Так, В.П. Орфинский предположил, что расположение стола в избе влияло не только на эволюцию избы, но даже на распространение тех или иных типов усадеб на Русском Севере у русских и карел (из-за различных способов расположения окон в избах, которые, вероятно, связаны со способами постановки стола) (*Орфинский* 1975: 63–64). В связи со сказанным такой, казалось бы, частный вопрос, как расположение стола в пространстве избы, приобретает особую значимость.

Прежде чем рассматривать вопрос о положении стола в интерьере избы, стоит сказать несколько слов о красном угле и выяснить, хотя бы приблизительно, время его появления в крестьянских избах. Это необходимо, поскольку частое расположение в XIX–XX вв. стола в красном углу под иконами позволяет предположить, что стол и иконы семантически связаны между собой. Согласно наиболее распространенной и правдоподобной гипотезе, в доме красный угол уподоблялся алтарю, а стол – престолу (*Байбурин* 1983: 154, 156; *Топорков* 1985: 223–232; *Лавонен* 2000: 153). При этом стол у русских считается как бы обязательным атрибутом красного угла (*Байбурин* 1983: 153; *Пермиловская* 2004: 18).

Принято считать, что красный угол появился в глубокой древности. М.Г. Рабинович относил его появление к XIII столетию, а А.К. Байбурин даже к X–XI вв. (*Рабинович* 1975: 168; 1988: 19; *Байбурин* 1983: 129–130). В подтверждение этой версии исследователи ссылаются на известную работу П.А. Раппопорта о древнерусском жилище, а именно на тот фрагмент, где говорится, что русские стали ставить печь у входа в X–XI вв. (*Раппопорт* 1975: 126). И хотя этот автор о красном угле не говорил ни слова, из факта помещения печи в углу у входа, похоже, исследователи сделали вывод, что угол, расположенный по диагонали от печи, обязательно должен был иметь какую-то сакральную функцию (*Байбурин* 1983: 129–130). Однако, вероятно, нельзя ставить знак равенства между помещением печи в один угол и сакрализацией другого угла, а уж тем более предполагать там наличие стола.

Александр Олегович Слудняков – искусствовед, НИИ "Спецпроектреставрация" (Санкт-Петербург).

* При подготовке этой статьи автор использовал некоторые библиографические материалы, собранные А.А. Шенниковым.

Существует также версия и еще более раннего происхождения красного угла, согласно которой он унаследован от языческих времен. Эту гипотезу в разные периоды высказывали различные ученые, в том числе Б.А. Рыбаков и А.А. Шенников. Они считали, что в раннем средневековье в красном углу вместо икон находились фигурки языческих "божков", наподобие тех деревянных фигурок, которые в XIX–XX вв. попадались этнографам на божницах крестьянских изб (Рыбаков 1988: 497–500; Шенников 1993: 65–66).

Эта мысль также кажется нам недостаточно обоснованной. Наличие в XIX–XX столетиях на божницах упомянутых фигурок еще не является основанием для утверждения, будто и в древнерусских постройках подобные предметы находились именно там. Кроме произвольной экстраполяции современных этнографических данных на средневековье это не подтверждается никакими иными источниками. К тому же точная атрибуция подобных фигурок ("панок") так и не была произведена².

Древним языческим центром избы аргументированно считается печь (очаг) (Байбурин 1983: 130, 160; Рыбаков 1988: 496–497). А для небольших жилых построек наших предков времен язычества два сакральных центра (кроме печи еще и красный угол), пожалуй, многовато. Общий же обзор ареала красного угла показывает, что он, скорее, может быть связан с христианской традицией иконопочитания, нежели с язычеством (Топорков 1985: 226).

А.А. Шенникову принадлежит также и еще одно интересное предположение. На основании письменных источников он пришел к выводу что, например, в XVI–XVII вв. в крестьянских избах икон могло и не быть вовсе. Одним из главных аргументов исследователя стало сообщение итальянского дипломата Паоло Кампани, который писал, что хотя у русских в домах "на самом почетном месте" находятся иконы или кресты, но есть дома, в которых икон нет, и в этом случае не полагается креститься при входе. А.А. Шенников полагал, что слова об отсутствии икон могут относиться как раз к тем помещениям крестьян, которые в тот период использовались для содержания и кормления скота. Это, возможно, противоречило церковным требованиям, и нахождение там икон было нежелательным. Иконы, по мнению А.А. Шенникова, находились в клетях – неотапливаемых кладовых-спальнях, уровень комфорта в которых был выше, чем в избах (Шенников 1993: 63–65).

Для выяснения ситуации необходимо проанализировать наиболее ранние источники по интересующему нас вопросу. Они относятся к XVII–XVIII вв. и принадлежат иностранцам, побывавшим в России и опубликовавшим воспоминания у себя на родине. Приводимые ими весьма скудные сведения, разумеется, не могут считаться неоспоримыми фактами, так как, во-первых, иностранцы говорят о России "вообще", без привязки к конкретной местности и, как правило, не разделяя городские и сельские постройки, а во-вторых, мы пользуемся переводами, точность которых часто не можем проверить. Тем не менее за неимением других сведений, относящихся к этому времени, следует обратить на них внимание.

Стоит сказать, что здесь мы рассматриваем материалы, которые так или иначе имеют хотя бы косвенное отношение к крестьянскому жилищу, а не к жилищам феодалов или богатых горожан.

Одни из самых ранних наблюдений принадлежат известному путешественнику Адаму Олеарию, посетившему Россию в 1634–1635 гг. Он описывает интерьеры построек различных слоев общества так: "...ни в одном доме, ни у богатых, ни у бедных людей, незаметно украшения в виде расставленной посуды, но везде лишь голые стены, которые у знатных завешаны циновками и заставлены иконами" (Олеарий 1906: 202). Иными словами, путешественник обратил внимание на иконы только в жилищах феодальной знати, а в домах даже "богатых людей" (по-видимому, купцов), не говоря уже об основной массе населения, он икон не отметил, что косвенно подтверждает сообщение Кампани. Однако далее Олеарий говорит о наличии икон в каких-то крестьян-

ских жилых постройках: "Крестьяне в деревнях не желали допустить, чтобы мы касались руками их икон, лежа на лавках, обращались к ним ногами" (Там же: 316). Из данной фразы невозможно выяснить, о каких именно постройках идет речь и в каком месте располагались иконы. Скорее всего, здесь речь идет о клетях. В то время взрослые люди даже зимой спали в основном в клетях, а не в избах (*Шенников* 1993: 64–65). Даже в XIX в. в Среднем Поволжье, где отдельно стоящие кладовые-спальни были еще широко распространены и использовались по своему прямому назначению, гостей укладывали спать именно там, а не в избе (*Erdmann* 1822: 102; Записки 1840: 170, 274; Труды 1884: 14). Однако нельзя полностью исключать и возможность существования икон в избах. Олеарий также впервые указывает и на расположение икон и стола в углу "комнаты". Речь, правда, идет о богатом доме, а не о крестьянской избе (*Олеарий* 1906: 316–317).

Следующее свидетельство принадлежит дипломату Гвидо Мьежу, посетившему Россию в 1663–1664 гг. и оставившему описания крестьянских и городских жилых построек, мало отличавшихся, по его словам, друг от друга. Говоря об интерьере изб, Мьеж отмечает и наличие икон: "нет ни одного дома, где у окна не висела бы икона с лампадой" (Описание 1879: 29). У какого окна находилась икона, автор не уточняет, тем более что из его описания непонятно, сколько вообще окон в избе и как они расположены.

Приблизительно к тому же времени (около 1670 г.) относится и первое упоминание о наличии столов в домах основной массы населения³. Речь, судя по всему, идет о городских постройках: "Многие дома... не заключают в своих стенах ничего другого, кроме печи для варки пищи, стола со скамьями и небольшой иконы какого-нибудь святого" (*Рейтенфельс* 1906: 153).

Наиболее подробными и заслуживающими доверия сведениями об интересующем нас вопросе являются наблюдения англичанина Джона Перри, жившего в России в 1698–1715 гг. Работавший на великих стройках Петровской эпохи английский инженер разбирался в различных постройках намного лучше Олеария или Мьежа и подробно описывал их, включая временные жилища солдат.

В своей книге Перри сообщает о наличии красного угла в домах богатых людей: "Между русскими существует обыкновение (особенно между богатыми, которые могли позволить себе эту роскошь) ставить в комнатах своих, преимущественно же в переднем углу, против печи, множество изображений Святых..." В этой фразе интересно то, что наличие множества икон в доме признается роскошью, которую не все могли себе позволить. Далее автор поясняет: «В доме же бедного человека, где существует только один такой образ... и где бывает очень темно..., да где не всегда перед образом горит и восковая свечка..., то чужому человеку, входящему в избу трудно с первого раза рассмотреть, где находится... образ, и он первым делом спрашивает: "А где же Бог?", на что кто-нибудь из присутствующих указывает ему, на каком месте стены висит образ» (*Перри* 1871: 143).

Таким образом, налицо ситуация, когда человек, попавший в незнакомый дом, не может сориентироваться и найти божницу. В XIX–XX вв. этого, скорее всего, не произошло бы – устойчивая диагональ "печь – красный угол" позволяла быстро определить место для икон даже в темноте. Видимо, в начале XVIII столетия на Северо-Западе России, где работал английский инженер, такой диагонали в большинстве случаев еще не было⁴. Кроме того, Перри определенно противопоставляет постановку икон в "передний угол", уже принятую у богатых, и размещение иконы у бедных на каком-то неопределенном "месте на стене", что также свидетельствует об отсутствии у основной массы населения красного угла в привычном нам понимании.

Косвенным подтверждением тому служит и тот факт, что даже в конце XIX – начале XX в. иконы далеко не везде располагались в углу по диагонали от печи. Например, на границе Кемского и Повенецкого уездов у старообрядцев-карел была зафиксиро-

вана ситуация, отчасти напоминающая описание Перри: "В красном, сутнем, углу вы редко увидите икону, как обыкновенно бывает в русской избе... но осмотрите хорошенько стены: где-нибудь посредине стены, между окнами, или в углу против печки, где вы совсем не привыкли видеть иконы, заметите... маленькие, створчатые... образа, которые помещаются обыкновенно на высоте не более двух аршин от полу" (*Оленев* 1917: 46). Сведения о расположении икон в непривычных местах есть и из других мест Русского Севера (*Спасский* 1849: 1об; *Лысков* 1854; АРГО-2).

Таким образом, можно сделать предположение, что в начале XVIII в., по крайней мере, на территории Северо-Запада России, красный угол в привычном нам виде имелся главным образом в избах богатых людей (подчеркнем, что здесь речь идет именно об избах, а не о различных "чистых" помещениях типа горниц или "комнат", в которых он мог существовать и раньше). У основной же массы населения, в том числе и у крестьян, размещение икон в углу по диагонали от печи, по всей видимости, еще не было широко распространено.

Теперь остается выяснить, где же висела та единственная икона, о которой говорят Перри и Мьеж. Если это, как мы предполагаем, не был красный угол, то в каком другом "месте на стене" она могла находиться? Как гипотезу предложим вариант ее размещения на середине лицевой стены. Подобное расположение икон было широко распространено в Карелии еще в начале XX в. Иконы там помещались на фасадной стене, часто над центральным окном (*Лавонен* 2000: 93–95), что отчасти совпадает с описанием Мьежа. Возможно, в XVII–XVIII вв. так же или почти так же они располагались и в центральных районах страны, где и побывал Мьеж.

Стоит отметить, что Н.А. Лавонен, которой, видимо, не известны приведенные выше данные письменных источников, на основании сопоставления интерьеров изб старообрядцев и православных Карелии пришла к аналогичным выводам и сделала предположение, что помещение икон в красном углу – явление достаточно позднее, как-то связанное с реформой патриарха Никона (Там же: 95). С такой привязкой изменений в интерьере к церковным реформам, конечно, нельзя согласиться. Выше было отмечено, что Олеарий видел размещение икон в углу "комнаты" задолго до событий 1656–1667 гг. Однако сделанный Н.А. Лавонен вывод о позднем происхождении красного угла, основанный на изучении только натурального материала, в целом совпадает с приведенным выше предположением автора этих строк, базирующемся на анализе исключительно письменных источников.

Действительно достоверные и подробные сведения о сельских постройках начинают появляться с середины XIX в., когда в обществе наметился интерес к крестьянскому быту. Обзор источников, часть из которых будет приведена ниже, показывает, что в разных регионах России (за исключением упомянутых выше случаев) в то время иконы, как правило, уже находились в углу по диагонали от печи. Такая однородность информации свидетельствует, что процесс определения красного угла в крестьянских избах в привычном нам виде (начало его, по-видимому, описал Пери) в целом завершился к концу XVIII столетия.

Вместе с тем большое количество разнообразных сведений, собранных с тех пор, позволяет решить две важные задачи, которые и являются главными целями этой статьи: доказать само существование эволюции положения стола в пространстве избы со второй половины XIX в. и показать основные фазы этого эволюционного процесса.

Из всей, почти неисчерпаемой библиографии по данному вопросу, охватывающей всю территорию России, наиболее полно отражают эволюцию интерьера источники, касающиеся Северо-Запада и Центра Европейской России, а именно Верхнего Поволжья, включая Волго-Окское междуречье, Псковской губ. и Севера западнее Каргополя, включая Карелию. Их мы и рассмотрим.

Один из первых документов такого рода повествует о быте русских крестьян с. Кушалино Тверского у. Тверской губ.: "...внутри избы в переднем углу киот или божни-

ца, на которой стоят иконы, в заднем углу с одной стороны глиняная печь с голбцем..., приделанным сбоку печи, а с другой стороны против печи полати. ...Впереди против печи к окну стоит стол, за которым садятся обедать – впрочем, этот в праздники передвигают в передней угол к божнице" (*Судаков* 1848: 4). Здесь стоит подчеркнуть следующее обстоятельство: стол не имеет постоянного местонахождения и обычно находится "против печи", т. е. в "бабьем куте", а в красный угол перемещается только по праздникам.

Аналогичная информация содержится и в сообщении из Старицкого у. той же Тверской губ.: "стол около печи, поближе к стряпухе" (*Скобников* 1849: 2).

В данных из Ростовского у. местоположение стола не указывается, однако говорится, что "...столы... для большего простора в избах по окончании завтрака, обеда, полудня и ужина, поднимаются на полавочки, т.е. на такие же лавки, только лишь сделанные под самым потолком" (*Новский* 1849: 2). Куда ставили стол на время еды, неясно, однако, вероятно, все же в красный угол. Во всяком случае, именно туда помещался стол в крестьянских избах в Юрьев-Польском у. Там его тоже после трапезы убирали (куда – не сказано), но на время еды ставили в красный угол (*Бережнов* 1850: 5об). Аналогичны сведения и из других местностей Верхнего Поволжья (*Победоносцев* 1850: 4; *Соколов* 1850: 37). Тогда же, в 1850-е годы, помещение стола на полавочки было зафиксировано и в районе Костромы. Однако здесь во время приема пищи стол находился не только в красном углу, но и в других углах избы (*Потехин* 1873: 27).

Можно предположить, что столы, о которых говорится в этих документах, были не столь громоздкими, как существующие ныне или как известные по этнографическим материалам высокие на массивных подстолях. В этом случае их было бы невозможно поднять на полавочник. Скорее всего, в середине XIX в. столы в Верхнем Поволжье по своим размерам были близки к тем небольшим столикам (высотой с лавку), которые вплоть до XX столетия сохранялись в быту старообрядцев-скрытников Занежья (*Логонов* 1992: 104).

Возможно, также, что эти столы напоминали обычную лавку. Столы такого типа (по-видимому, одна из архаичных форм) были широко распространены в Западной Украине, Польше и Словакии (*Топорков* 1985: 225). В русском крестьянском жилище подобные столы не фиксировались, но во временно обитаемых постройках они существовали – стол в виде узкой лавки был отмечен у русских поморов в становище Гаврилово на Мурманском берегу (*Бернштам* 1983: 79, ил. 21). Таким образом, еще в середине XIX в. в Верхнем Поволжье, возможно, имела распространение какая-то архаичная форма стола⁵.

О том, где стояли столы в крестьянских избах Верхнего Поволжья и центральной части России во второй половине XIX в., данных не так много. Тем не менее известно, что в третьей четверти XIX столетия в Подмоскovie стол обычно помещали по центру лицевой стены (*Зенина* 2000: 60). Аналогичное расположение стола существовало во то время и в Калужской губ. (*Станюкович* 1970: 84–85).

Косвенным подтверждением того, что даже в конце XIX в. у русских Центральной России и Верхнего Поволжья стол далеко не всегда ставился в красный угол, являются картины известного художника бытового жанра второй половины XIX столетия В.М. Максимова "Больной мужик" (1881 г.) и "Слепой хозяин" (1884 г.)⁶. Где располагался стол в избах, изображенных на картинах этого художника, неясно – скорее всего, по середине лицевой стены. Даже значительно позднее, в 1950-е годы, в Нижегородском Заволжье фиксировались постройки, в которых стол располагался именно там (*Белоусова* 1955: 57–62), как и в Верхнем Поволжье.

Вместе с тем уже с начала XX в. преобладающий вариант расположения столов у русских Верхнего Поволжья и Центральной России – в красном углу (АРГО-3: 12; БВК 1993: 213; *Путилин* 1918: 12).

Теперь для сравнения с процессами, протекавшими в Верхнем Поволжье у русских, стоит рассмотреть, как же обстояли дела у тверских карел. Основные данные о них относятся к 1920–1960-м годам.

Г.С. Маслова, изучавшая тверских карел в 1925–1933 гг., сообщает следующее: "Стол помещался не как у русских, в переднем углу, а в углу против печи" (*Маслова* 1936: 86). Аналогичные сведения приводит и Л.И. Песселеп. Она также пишет, что стол располагался перед устьем печи, замечая при этом, что в праздники его передвигали в красный угол⁷.

Следующие сведения о тверских карелах относятся лишь к 1960-м годам. В обзорной работе "Народы Европейской части СССР" указывается, что у них, как и у всех карел вообще, стол располагается у середины лицевой стены. Однако далее говорится, что он находится "обычно в переднем углу" (*Народы* 1964: 348, 350). Вероятно, встречались оба этих способа расположения стола.

Таким образом, у тверских карел мы наблюдаем картину, похожую на ту, которая ранее была присуща русским, когда вначале фиксировалось положение стола напротив устья печи, затем – в центре лицевой стены и, наконец, в красном углу, куда он помещался и ранее, но лишь во время праздников.

Рассмотрим теперь материалы, касающиеся западнорусских земель. Из описания избы, расположенной в окрестностях Великих Лук, мы опять видим, что четкого положения у стола нет, и он перемещается по пространству избы от устья печи к красному углу (*Тихомиров* 1849: 1об.–2).

В сообщении из Холмского у. (Псковская губ.) указано уже иное положение стола: "В переднем углу приделывается кивот для образов... против печки кут (который всегда приходится против переднего угла), или судница... Не далеко от кута стоит стол...". Кроме этого описания приведен подробный план усадьбы, из которого видно, что стол находился посередине боковой стены избы, параллельно ей (при так называемом западнорусском положении печи и замкнутой планировке усадьбы) (*Беллавин* 1851: 3, 6). Аналогичное расположение стола указано и в сообщении из Псковского у. (в усадьбе с "трехрядной связью") (Ребезов 1856: 1). Установку стола не поперек стены, а вдоль нее можно объяснить небольшой глубиной пространства избы, не позволявшей развернуть стол торцом к стене (*Гришина, Логинов* 2001: 147).

Интересное описание интерьера крестьянской избы из того же Псковского у. привел в своих очерках известный этнограф и фольклорист П.И. Якушкин. Он описывает обед в крестьянской семье так: "Помолясь Богу, мы с крестьянином сели за стол, который малюха (т.е маленькая) подвинула к окну... и сама села с нами... У самого входа в избу налево стояла печь..., а направо стол; иконы стояли в киоте в углу наискось от печи; киот был поставлен на четверть от лавки и потому под иконами нельзя было сесть, стало быть и переднего угла не было⁸. В четвертом углу стояла кровать – к лавке были приделаны еще две доски" (*Якушкин* 1859: 45). Здесь наибольший интерес представляют два момента: во-первых, стол свободно перемещали по избе, как и в приведенных выше описаниях из Верхнего Поволжья, во-вторых, он, в отличие от того же Верхнего Поволжья, по-видимому, вообще никогда не ставился в красном углу, а стоял главным образом в углу напротив устья печи.

Такое расположение стола наблюдалось на Псковщине, вероятно, до конца XIX в. Например, в совместной работе О.А. Ганцкой, Л.Н. Чижиковой и Н.Н. Лебедевой указано (со ссылкой на архив Института этнографии), что на территории Псковской и Великолукской областей вплоть до 1890-х годов стол ставили "не в переднем углу, а против устья печи; в передний угол его переносили только тогда, когда принимали гостей" (*Ганцкая и др.* 1960: 30).

В середине XX в. на западе России преобладающим уже было, по-видимому, расположение стола где-то у середины стены. Е.Э. Бломквист отмечает: "Стол... во многих районах Псковской и Великолукской областей ...ставят в простенке между окнами –

против угла печи" (*Бломквист* 1956: 226). О.А. Ганцкая приводит план дома (Пустошский р-н Великолукской обл.), на котором стол можно видеть в красном углу (*Ганцкая* 1955: 48). Такое же его положение было зафиксировано и в Середкинском р-не Псковской обл. (*Ганцкая и др.* 1960: 28). Судя по всему, постоянное нахождение столов в красном углу, ранее на западе России не фиксировавшееся, уже получило распространение.

Итак, обзор сведений об интерьере изб русских крестьян Верхнего Поволжья и запада России свидетельствует о том, что в середине XIX в. еще не было строго определенного расположения стола в избе. Его повсюду переносили с места на место в зависимости от обстоятельств его использования, а положение стола в красном углу являлось лишь одним из вариантов, причем отнюдь не преобладающим. В основном в качестве места стола указываются кут или середина боковой стены.

Позднее, в начале XX в., в районе Верхней Волги у русских крестьян почти повсеместно (за исключением ряда случаев) господствовала постанковка стола в красном углу. На западе же России его положение у устья печи встречалось еще в 1890-е годы, а по центру лицевой стены – даже в 1950-е годы, когда стол могли ставить и в красном углу.

На примере западной части России, таким образом, хорошо прослеживается процесс эволюции интерьера с последовательным перемещением стола от устья печи к центру боковой стены и затем – в красный угол. В Верхнем Поволжье подобная эволюция также наблюдается, хотя и менее четко, поскольку процесс там в основном закончился раньше, уже к началу XX в., и источники фиксировали, как правило, его конечную стадию, хотя и отмечали наличие более архаичных форм.

Следует отметить, что, говоря о помещении стола не в красный угол (в опровержение широко распространенного мнения, что у русских он только здесь и стоял), не следует впадать в другую крайность и думать, что его там, т.е. в красном углу, например, в 1850-е годы, не было вообще. Такой вывод нельзя считать верным. Первые данные о положении стола в красном углу относятся к концу XVIII в. В популярном издании И.Г. Георги "Описание всех в Российском государстве обитающих народов..." говорится именно о такой постанковке стола в интерьере русской избы (правда, без какой-либо территориальной привязки и дифференциации крестьянского и мещанского жилища) (*Георги* 1799: 135). Установка столов в красный угол, думается, была характерна скорее для городского жилища, хотя не следует исключать, что и у некоторых крестьян она тоже встречалась.

Рассмотрим теперь состояние дел на Севере. В северо-восточной части Заонежья, в Пудожском у., у русских крестьян в 1854 г. было зафиксировано расположение стола возле устья печи⁹. Подобная ситуация в этом регионе наблюдалась и позднее – у русских старообрядцев Каргопольского у. Там даже в начале XX в. стол еще располагался у устья печи (*Забивкин* 1910: 18).

С течением времени, впрочем, в интерьере происходили изменения, сходные с теми, что были отмечены в Верхнем Поволжье и на Псковщине. В 1950-е годы В.В. Пименов зафиксировал, что русские в районе Пудожья ставят стол уже по центру лицевой стены (*Пименов* 1957а: 6–7). Позднее, в 1970-е годы, З.И. Етоева (Строгальщикова) там же обнаружила, что жители чаще всего устанавливали стол в красный угол, хотя положение его по центру лицевой стены еще сохранялось (*Етоева* 1976: 57).

Во второй половине XIX – середине XX в. у карел и вепсов на территории Карелии и в южном Обонежье господствовала постанковка стола торцом к середине лицевой или боковой стены (МГ 1866; *Майнов* 1877: 52; *Камкин* 1880: 658; *Беляев* 1890; *Пименов* 1957б: 160; 1960: 37). У карел Повенецкого у. интерьер избы выглядел, например, так: "На юг лицевая стена и лицевые окна, коих обыкновенно три. В середине стены окно побольше... У этого окна стоит стол" (*Петропавловский* 1850: 6). Здесь интересно отметить, что стол располагался у окна "побольше". То есть здесь еще окна имели

разные размеры (боковые окна, видимо, были волоковыми, а центральное – "красным"), и это, возможно, повлияло на местонахождение стола¹⁰.

Лишь в начале XX в. где-то на границе Кемского и Повенецкого уездов И.В. Оленев отмечает наличие стола под иконами в "переднем углу", но не избы, а горницы (Оленев 1917: 55). Горница в крестьянском жилище, являлась, как известно, парадным помещением. И.В. Оленев сообщает об обоях, которыми были оклеены стены горницы, и о стульях вместо лавок. Несомненно, темпы изменения интерьера в таком помещении могли идти быстрее, нежели в избе. Впрочем, на западе Кемского у. городская мебель (стулья, шкафы и т.д.) с начала XX в. довольно часто встречалась и в избах (Габе 1941: 54).

И уже в 1917 г. в том же Кемском у. были зафиксированы следующие детали в интерьере избы: "Иконы находятся в противоположном углу от двери; стол стоит или под иконами, или же среди избы у окна. Печь... устьем обращена к окнам передней или лицевой стены" (АРГО-1: 32).

К 1960-м годам относятся наблюдения исследовательницы Р.Ф. Тароевой. В работе, посвященной материальной культуре карел, она сначала говорит о размещении стола по центру лицевой стены, которое "...является довольно устойчивым и, по всей вероятности, древним обычаем карел". Но далее сообщает, что перемещение стола в красный угол существовало "уже на относительно ранних этапах" (т.е., видимо, речь идет о времени, которое сохранялось в памяти у информантов, – с начала XX в.), а также отмечает распространение у людиков и ливвиков "русского" способа расположения стола (Тароева 1965: 104–105). Впрочем, передвижение стола в избе в Карелии и на сопредельных территориях было настолько широко распространено, что исследователи даже отмечали у карел и соседних с ними русских наличие столов на длинных полах для большего удобства их перетаскивания (Габе 1955: 95; Бломквист 1956: 105).

В вышедшем недавно совместном исследовании В.П. Орфинского и И.Е. Гришиной, посвященном карельской д. Суйсарь, указывается, что с начала XX в. карелы-людиков ставили стол не только по центру лицевой стены, но и в красном углу. Причем в настоящее время оба этих способа расположения сосуществуют (Орфинский, Гришина 1997: 80–81).

Рассмотрим теперь материалы из русского Заонежья. В середине XIX столетия стол там находился главным образом у середины лицевой стены (Рыбников 1866: 24). Однако экспедицией К.К. Романова в 1926 г. был обнаружен и стадильно более ранний способ местонахождения стола. На одной из фотографий, сделанной в интерьере известного дома Костина в Великой Губе, запечатлен стол напротив устья печи. За ним сидят две женщины и пьют чай из самовара. М.И. Мильчик, опубликовавший фотографию, высказал предположение, что стол перенесли туда специально по случаю фотографирования (Мильчик 1999: 82). Такое вполне возможно, но не исключено, что его туда переносили регулярно, или же он там находился постоянно. Последнее предположение кажется вполне допустимым, учитывая то обстоятельство, что избороженная на фотографии изба, скорее всего, была скотной (Там же: 9–10). В скотных же избах, как известно, сохранялись многие архаичные формы, уже давно не встречающиеся в жилых избах. В ряду таких архаизмов было, видимо, и размещение стола возле устья печи.

Та же экспедиция К.К. Романова зафиксировала в Великой Губе и случай размещения стола в красном углу (во время обряда просватания) (Мильчик 1999: 88). Стол стоял вдоль "свадебной лавки", как и полагалось в таких случаях (Логинов 1992: 102). Вероятно, с начала XX в. в Заонежье столы в красный угол ставили не только во время праздников. Там в это время сосуществовали сразу три места нахождения стола, хорошо отражающие финальную стадию эволюционного процесса: 1) посередине лицевой стены (у среднего окна при "трехоконном" лицевом фасаде), 2) в простенке между

средним окном и окном, освещающим красный угол, 3) в красном углу (*Габе* 1941: 54; *Логинов* 1992: 102; *Трифорова* 1992: 95).

Таким образом, и на Севере в целом, и в Карелии в частности, где сохранялись многие архаичные формы, процесс изменения местоположения стола был аналогичен процессу, протекавшему в Верхнем Поволжье и на западе России.

Итак, общий обзор известных автору данных о размещении стола в пространстве избы на Северо-Западе Европейской России и в Верхнем Поволжье показывает, что во всех регионах он стоял либо возле устья печи, либо по центру стены, либо, наконец, в красном углу. В одних случаях, например, в Пудожском у. или в Псковской губ., источники позволили проследить с середины XIX до середины XX в. практически последовательную смену первого, второго и третьего из указанных способов размещения стола. В других случаях такой ясной картины не наблюдалось, и было зафиксировано сосуществование сразу нескольких способов, что отражало иногда чуть ли не всю шкалу эволюции расположения стола в пространстве избы (как, например, в Заонежье).

Везде, однако, прослеживалась общая динамика эволюционного процесса, что определенно свидетельствует о том, что и "русский", и "карельский" способы местоположения стола – это не "глубинные явления" традиционной культуры, имеющие этническую природу, а стадийные фазы эволюции, приблизительно одинаково протекавшей у всех народов на Северо-Западе России.

Наиболее архаичным, согласно имеющимся источникам, следует признать размещение стола напротив устья печи. Именно оттуда он начал свой путь по пространству избы, завершившийся в красном углу¹¹.

К середине XIX в. положение стола напротив устья печи у русских было уже исчезающим, хотя и сохранилось кое-где (в Тверском Поволжье, Псковской губ., Каргополье, Повенецком у., возможно, в Заонежье). Однако у тверских карел, сохранивших многие архаичные формы, расположение столов у устья печи оставалось неизменным вплоть до 1930-х годов. Оно было удобно для приготовления пищи. Хозяйке и во время еды легче было подавать на стол, стоящий рядом с печью. Этот процесс хорошо иллюстрирует упоминавшаяся выше картина В.М. Максимова "Бедный ужин".

Следующей фазой эволюции следует признать размещение стола по центру стены (лицевой или боковой). Возможно, устойчивое сохранение этого способа в Карелии связано с широким распространением "трехоконного" лицевого фасада с двумя волоковыми и средним "красным" окном, которое отмечалось исследователями (*Орфинский* 1975: 147; *Орфинский, Гришина* 1997: 81; *Гришина, Логинов* 2001: 147). Однако объяснить расположение стола по центру лицевой стены простой зависимостью от размеров окон вряд ли возможно. Известно немало примеров как в рассматриваемом нами ареале, так и за его пределами, когда при аналогичном расположении окон стол ставился не под "красным" окном, а под волоковым, в красном углу (*Маковецкий* 1952: 11–12; *Маковецкий* 1962: 67–68; *Ушаков* 1994: 114). Видимо, хотя размеры и расположение окон и влияли на место размещения стола, но не столь сильно, чтобы это сказалось на общем ходе эволюции, о которой мы говорили.

Может быть, причина длительного сохранения у карел положения, когда стол ставился по центру лицевой стены, как-то связана со способом размещения печи (у карел, как известно, широко распространен так называемый западнорусский план)? У русских дольше, чем у других народов, вплоть до 1960-х годов, стол находился по центру лицевой стены именно в ареале распространения "западнорусского" плана (на западе России).

На процессы эволюции интерьера влияли разнородные факторы, многие из которых нельзя точно выявить по письменным источникам и можно лишь предполагать их существование. Например, хорошо известно расположение стола по центру лицевой стены у русских в Заонежье и в Нижегородском Заволжье – районах с традиционным

"севернорусским" планом. В этих регионах оно также сохранялось довольно долго и просуществовало, по всей видимости, до середины XX в.

В статье Е. Белоусовой, посвященной традиционной архитектуре Заволжья, приведены обмеры домов Тараканова (Семеновский р-н), и Лапшина (Городецкий р-н), датированных, соответственно, 1817 г. и 1860-ми годами. Столы в избах этих домов стоят посередине лицевой стены (Белоусова 1955: ил. 10, 13–14). Но если в доме Лапшина расположение стола по центру лицевой стены избы может быть объяснено стремлением поставить его у "красного" окна, то в доме Тараканова все окна одинаковые. Вероятно, разгадка столь длительного сохранения в Заволжье способа размещения стола посередине лицевой стены кроется в том, что основную массу населения Заволжья составляли старообрядцы (Белоусова 1955: 56). Особенности же их быта предполагают совершение богослужений и молитв с земными поклонами, в процессе которых молящиеся опускались на колени. Домашние молитвы, разумеется, совершались перед иконами в красном углу¹². Если бы там находился стол, то он бы просто мешал. Аналогичное расположение столов автор этих строк обнаружил в домах старообрядцев Ленинградской обл. (д. Лампово Гатчинского р-на, д. Лавния Волховского р-на). Причем у последних в красном углу ставился небольшой круглый или овальный столик, на котором стояли иконы и свечи и лежали богослужебные книги. Похожий столик мы видим и в красном углу дома Лапшина. В начале XX в. такие же столики начали ставить в красном углу и у тверских карел (в то время, как "большой" стол был в середине лицевой стены) (Лавонен 2000: 15). Аналогичный по назначению (но иной по конструкции) столик в красном углу с книгой и свечой на нем можно видеть и на известной картине В.И. Сурикова "Меншиков в Березове" (1883 г.). В Карелии вообще и в Заонежье в частности старообрядчество (по крайней мере, тайное) также было широко распространено (Срезневский 1904: 20; Ончуков 1905: 278–279; Оленев 1917: 46–47, 49). Возможно, это обстоятельство вместе с другими факторами также повлияло на широкое распространение там способа размещения столов посередине лицевой стены у старообрядцев Заволжья и Ленинградской обл.

Анализ источников также позволяет предположить, что при "западнорусском" плане, когда печь повернута устьем к боковой стене, стол, в начальной фазе эволюции стоявший напротив печи, в дальнейшем, видимо, перемещался вдоль этой стены и оказывался по центру именно боковой стены избы. При "севернорусском" плане перемещение стола должно было идти вдоль лицевой стены. Разумеется, такая зависимость положения стола от направления печного устья – лишь прилизитивная, идеализированная схема, которая не может, конечно, учесть всего многообразия региональных вариантов эволюционного процесса. Часто можно видеть, например, в Карелии, печь с так называемым западнорусским (или "карельским") положением устья одновременно с расположением стола по центру лицевой стены избы. Такое сочетание можно объяснить тем, что в Карелии происходила смена направления устья печи от "севернорусского" к "карельскому" и связанной с этим процессом неустойчивостью всего планировочного решения избы (Орфинский, Гришина 1997: 80–81). Видимо, начало процесса изменения расположения стола в Карелии можно отнести к периоду господства там "севернорусского" плана.

Финальной фазой эволюции размещения стола стала его постановка в красном углу. Окончательному его перемещению туда, вероятно, способствовало появление в крестьянских избах окна на продольной стене избы, специально предназначенного для освещения красного угла, который с этого времени стал самым светлым местом в избе. "Стол-престол" в красном углу действительно начал напоминать церковный алтарь.

Скорее всего, такое сопоставление интерьера избы и православного храма не могло иметь места, когда избы активно использовались для кормления скота и содержания его в зимнее время, что, как уже говорилось, в свое время справедливо заметил

А.А. Шенников. Видимо, лишь с общим развитием хозяйственной части усадьбы – заменой холодных, продуваемых хлевов теплыми или даже отапливаемыми, увеличением их числа, распространением крытых дворов, и, что особенно важно, различных помещений для кормления скота (усадебных кухонь, "водогреек", скотных изб и т.п.) – появилась возможность убрать из крестьянской избы скот и постепенно сделать ее преимущественно жилым помещением. Эта эволюция избы от помещения, сочетающего функции жилого и хозяйственного, к помещению чисто жилому в первую очередь должна была сказаться именно на интерьере, при организации которого начали учитываться не только функционально-производственные, но и эстетические требования. Одним из проявлений такой эволюции и стало, видимо, образование красного угла по диагонали от печи, куда сперва поместили иконы, а позднее – обеденный стол.

Источники также фиксировали ситуации, когда красный угол еще до постановки туда стола иногда использовался для различных работ. В Верхнем Поволжье это нашло отражение, например, на упоминавшейся картине В.М. Максимова "Слепой хозяин". Аналогичный случай был зафиксирован и у поморов Онежского берега (*Бернштам* 1983: 64, ил. 19). Именно в красном углу мужчины занимались плетением корзин, шитьем бахил и другими работами. Видимо, лишь впоследствии, когда у русских почти повсюду стол занял место в красном углу, мужчины перебрались со своими ручными работами в угол у двери или на лавку возле печи ("коник"). Вероятно, до того, как стол оказался в красном углу, последний считался "мужским" пространством в противовес "женскому" – печному углу. Такая дифференциация пространства избы у карел и у русских Заонежья сохранялась до XX в. (*Логинов* 1992: 99; *Гришина, Логинов* 2001: 149).

В городах, где комфортабельность жилища была выше, а изменения, связанные с пространством избы, происходили быстрее, стол оказался в красном углу, еще, по-видимому, в XVIII столетии. У крестьян это случилось позднее. В Центральной России и Верхнем Поволжье данная тенденция была зафиксирована уже в середине XIX в., когда стол, хотя еще и перемещали по избе, а порой и убирали на полавочки, он, в конце концов, оказался в красном углу. К началу XX в. расположение стола у русских в этом регионе, за исключением описанных выше случаев, стало почти повсеместным. Однако в Карелии первое событие такого рода было зафиксировано лишь в 1917 г. И лишь полвека спустя Р.Ф. Тароева говорит о фактах переноса стола в красный угол в Карелии как об устойчивой тенденции.

Здесь следует обратить внимание еще на одну деталь. Р.Ф. Тароева считала, что практика перемещения стола в красный угол в обрядовой ситуации у карел широко распространилась даже там, где стол располагался посередине лицевой стены. Это дало ей повод назвать такую практику столь же "древней", как и традиционное "карельское" размещение стола. Однако это весьма спорно. Еще в начале XX в. в Карелии были зафиксированы обряды свадебного цикла, в ходе которых стол не перемещали в красный угол¹³. В цитированной выше книге И.В. Оленева приведена фотография обряда обручения в красном углу, под иконами. Но стола там нет. На другой фотографии запечатлен обряд снятия "падывашкой" (дружкой, колдуном) покрывала с невесты в доме жениха. Стол, возле которого происходит действие, стоит в простенке между окнами (*Оленев* 1917: 124, 126). Возможно, тенденция переноса стола в красный угол не была древней, а опять-таки появилась в процессе эволюции интерьера как форма, отражающая нестабильность положения стола и предшествующая окончательному помещению его в красный угол. Во всяком случае, во всех регионах, где были отмечены переносы стола с места на место, через некоторое время его нахождение в красном углу становилось постоянным. Скорее всего, та же участь постигла бы стол и на территории Карелии, если бы в естественный ход крестьянской жизни не вмешались события XX в.

Примечания

¹ Здесь и далее под термином "красный угол" мы будем иметь в виду угол, расположенный по диагонали от печи с расположенными в нем иконами.

² Например, так и не было выяснено, принадлежали ли они крестьянам или встречались только у профессиональных колдунов (или их потомков). Не исключено также, что подобные фигурки вообще не имели какой-либо сакральной функции. Во всяком случае, они хоть и стояли на божницах, но предметами поклонения, похоже, не были (*Бабаянц* 1977: 112–113).

³ По данным Е.Э. Бломквист, древнейшие из известных столов, принадлежавших крестьянам, относятся к XVII–XVIII вв. (*Бломквист* 1956: 420).

⁴ Интересно, что похожую ситуацию в домах зажиточной верхушки общества наблюдали С. Герберштейн в середине XVI в. и А. Олеарий в первой половине XVII столетия (*Герберштейн* 1908: 86; *Олеарий* 1906: 317). Видимо, в XVI – начале XVII вв. диагональное расположение печи и икон было редкостью даже в богатых городских постройках.

⁵ Эволюция, связанная с перемещением стола в пространстве жилища, в лесной зоне Европы, возможно, шла от описанной выше узкой лавки, используемой в качестве стола, к широкой лавке, наподобие той, что служила столом украинцам Карпат, а затем к современным формам стола. Эта версия, однако, еще требует проверки.

⁶ Автор рассматривает здесь картины В.М. Максимова с учетом того обстоятельства, что художник, родившийся и выросший в крестьянской семье, исключительно реалистично передавал интерьер крестьянских изб. Так, при создании одной из самых известных своих работ – "Бабушкины сказки" – он сделал подробные обмеры крестьянской избы. Картина "Больной мужик" была написана художником в д. Паулино Калязинского у., а в картине "Слепой хозяин" использован материал, собранный в д. Варварино Юрьевоцкого у. (*Леонов* 1951: 113, 248–252).

⁷ "В переднем углу у русского населения стоит стол... У карел стол стоит обычно перед устьем печи. ...помещение стола не в переднем углу, под божницей, а перед устьем печи, не строго соблюдается. В праздники, во время чаепития, стол передвигается в передний угол. Такой же обычай существует и у русского населения в Поречской волости, где его считают старинным и удобным для стряпухи" (*Песселен* 1926: 116).

⁸ Киот похожего типа зафиксировал Р.М. Габе в д. Староверский Луг Лужского р-на Ленинградской обл. (*Габе* 1955: 92).

⁹ "Близ печи у передней лавки стоит стол, ...на нем месят квашню, валяют хлебы и особенно часто метают на него овсяные блины от соседней печи... Сей стол служит и для самой трапезы" (*Студитов* 1854: 15).

¹⁰ Такая же постановка стола у центра лицевой стены под "красным" окном была позднее отмечена и в знаменитой "Избе семи государей" (*Костилов* 1914: 6, 9).

¹¹ В целом эволюцию, связанную с перемещением стола в пространстве избы, нельзя считать законченной. В наше время, как известно, под влиянием городской культуры повсеместно получила распространение постановка стола в центре жилого помещения или по центру лицевой стены. Правда, изучение этих новых явлений уже выходит за рамки данной статьи.

¹² Фотографию см.: *Оленев* 1917: 130.

¹³ Если это, конечно, подлинные обряды, а не их инсценировка специально для фотографирования.

Источники и литература

АРГО-1 – Архангельская губ. Кемский у. Архив Русского Географического общества (далее – РГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 105-I.

АРГО-2 – Вологодская губ. Тотемский у. Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105-III.

АРГО-3 – Тверская губ. Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105-XIV.

Бабаянц 1977 – *Бабаянц Г.Н.* Поморские куклы "панки" // Этнография народов Восточной Европы: Сб. ст. Л., 1977.

Байбурин 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Беллавин 1851 – *Беллавин Г.* Этнографические сведения о г. Яхнове, Холмского у., Псковской губ. 1851 г. // Архив РГО. Р. 32. Д. 19.

- Белоусова* 1955 – *Белоусова Е.* Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX в. в Горьковской области // *Архитектурное наследство.* 1955. № 5.
- Беляев* 1890 – *Беляев.* Ялгубский приход. Географическое, этнографическое и экономическое положение // *Олонецкие губ. вед.* 1890. № 44.
- Бережнов* 1850 – *Бережнов Д.* Село Шельбово Юрьевского уезда в этнографическом отношении // *Архив РГО.* Р. 6. Д. 22.
- Бернштам* 1983 – *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983.
- Бломквист* 1956 – *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // *Восточнослав. этнограф. сб.* М., 1956. Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ). Нов. сер. Т. 31.
- БВК* – Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.
- Владимирский* 1854 – *Владимирский В.* О составлении местных этнографических описаний Казанской губернии Свяжского уезда, села Багаева. 1854 г. // *Архив РГО.* Р. 14. Д. 98.
- Габе* 1941 – *Габе Р.М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941.
- Габе* 1955 – *Габе Р.М.* Интерьер крестьянского жилища // *Архитектурное наследство.* 1955. № 5.
- Ганцкая* 1955 – *Ганцкая О.А.* Материальная культура русского населения северо-западных областей России в XIX – начале XX в. // *Кр. сообщ. Ин-та этнографии.* Вып. XXII. М., 1955.
- Ганцкая и др.* 1960 – *Ганцкая О.А., Лебедева Н.Н., Чижикова Л.Н.* Материальная культура русского населения западных областей (во второй половине IX – начале XX в.) // *ТИЭ.* М., 1960. Т. 57.
- Георги* 1799 – [*Георги И.Г.*] Описание всех в Российском государстве обитающих народов, всех обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. IV. СПб., 1799.
- Герберштейн* 1908 – *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908.
- Гришина, Логинов* 2001 – *Гришина И.Е., Логинов К.К.* Жилые и хозяйственные постройки // *Деревня Юккогуба и ее округа.* Петрозаводск, 2001.
- Етоева* 1976 – *Етоева З.И.* К статистической характеристике вепского жилища (По некоторым элементам интерьера) // *Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира.* М., 1976.
- Забивкин* 1910 – *Забивкин И.* Деревня Заручевье, Лодыгинской волости, Каргопольского уезда // *Вестн. Олонецкого губернского земства.* Петрозаводск, 1910. № 7.
- Записки* 1840 – *Записки Александры Фукс* о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.
- Зенина* 2000 – *Зенина М.А.* Жилище подмосковных сел второй половины XIX – первой половины XX в. (по материалам опросов местных жителей) // *Этнограф. обозрение.* 2000. № 1.
- Камкин* 1880 – *Камкин Н.* Архангельские корелы. Этнографический очерк // *Древняя и новая Россия.* № 4. СПб., 1880.
- Костиков* 1914 – *Костиков Л.* Изба семи государей // *Материалы по этнографии России* / Под ред. Ф.К. Волкова. Т. II. СПб., 1914.
- Лавонен* 2000 – *Лавонен Н.А.* Стол в верованиях карелов. Петрозаводск, 2000.
- Леонов* 1951 – *Леонов А.* Василий Максимович Максимов. Жизнь и творчество. М., 1951.
- Логинов* 1992 – *Логинов К.К.* Интерьер крестьянской избы в обрядности и верованиях заонежан // *Заонежский сб.: Заонежье.* Петрозаводск, 1992.
- Лысков* 1854 – *Лысков П.* Быт жителей-крестьян Архангельской губернии, Шенкурского уезда, Подвинья, удельных, и в особенности Клоновской пустыни Гос. имуществ. 1854 г. // *Архив РГО.* Р. I. Оп. 1. Д. 49.
- Майнов* 1877 – *Майнов В.И.* Приоятская чудь. Весь – вепсы // *Древняя и новая Россия.* 1877. Т. 2. № 5.
- Маковецкий* 1952 – *Маковецкий И.В.* Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952.
- Маковецкий* 1962 – *Маковецкий И.В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

- Маслова* 1936 – *Маслова Г.С.* Материалы по этнографии карел Калининской области // Сов. этнография. (далее – СЭ). 1936. № 2.
- МГ* 1866 – *М. Г[ородецкий]*. Дорожные заметки. Салменижская волость // Олонецкие губерн. вед. Петрозаводск, 1866. № 21.
- Мильчик* 1996 – *Мильчик М.И.* Республика Карелия. Медвежьегорский р-он. Великая Губа – (дер. Верховье) – памятник архитектуры второй половины XIX в. Дом Е.А. Костина. Т. 1. Историческая справка. Иконография. СПб., 1996 // Архив СПб НИИ "Спецпроектреставрация". Д. 5547.
- Мильчик* 1999 – *Мильчик М.И.* Заонежье на старых фотографиях. СПб., 1999.
- Народы* 1964 – *Народы европейской части СССР*. Т. II. М., 1964.
- Новский* 1849 – *Новский П.* Сведения для Географического Общества о жителях города Ростова и Ростовского уезда Ярославской губернии. 1849 г. // Архив РГО. Р. 47. Оп. 1. Д. 15.
- Олеарий* 1906 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- Оленев* 1917 – *Оленев И.В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.
- Ончуков* 1905 – *Ончуков Н.Е.* Старина и старообрядцы (Поездка в Поморье и Заонежье) // Живая старина. 1905. № 3–4.
- Описание 1879 – Описание Московии при реляциях графа Карлейля // Историческая библиотека. СПб., 1879.
- Орфинский* 1975 – *Орфинский В.П.* Карельское деревянное зодчество и его связь с архитектурой Русского Севера // Архитектурное наследие. 1975. № 23.
- Орфинский, Гришина* 1997 – *Орфинский В.П., Гришина И.Е.* Народное зодчество села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997.
- Пермиловская* 2004 – *Пермиловская А.Б.* Семантика крестьянского дома в культуре Русского Севера. Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2004.
- Перри* 1871 – *Перри Д.* Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
- Песселеп* 1926 – *Песселеп Л.И.* Постройки Бежецкого уезда // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926.
- Петропавловский* 1850 – *Петропавловский.* Этнографические сведения о жителях Семчезерского, Янгозерского и Гимольского погостов Повенецкого у., Олонецкой губ. 1850 г. // Архив РГО. Р. 25. Оп. 1. Д. 22.
- Пименов* 1957а – *Пименов В.В.* Пудож. Исторический очерк о городе и районе. Петрозаводск, 1957.
- Пименов* 1957б – *Пименов В.В.* Поездка к прионежским вепсам // СЭ. 1957. № 3.
- Пименов* 1960 – *Пименов В.В.* К вопросу о карельско-вепских культурных связях // СЭ. 1960. № 5.
- Победоносцев* 1850 – *Победоносцев И.* Сведения, собранные о жителях Костромской губернии, состоящих в деревнях и селениях по Кинешминскому уезду... 1850 г. // Архив РГО. Р. 18. Оп. 1. Д. 13.
- Потехин* 1873 – *Потехин А.* Путь по Волге в 1851 г. // *Потехин А.* Соч. Т. 1: Очерки и рассказы. СПб., 1873.
- Путилин* 1918 – *Путилин В.* Записка к этнографической карте Тверской губ. 1918 г. // Архив РГО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 105-XIV.
- Рабинович* 1975 – *Рабинович М.Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
- Рабинович* 1988 – *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- Раппопорт* 1975 – *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы.
- Ребезов* 1856 – *Ребезов.* Сведения о Тайловском пог. Псковского у. 1856 г. // Архив РГО. Р. 32. Д. 26.
- Рейтенфельс* 1906 – *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме третьему о Московии. М., 1906.
- Рыбаков* 1988 – *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988.

- Рыбников* 1866 – *Рыбников П.Н.* Этнографические сведения о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1866. Ч. 2. Петрозаводск, 1866.
- Скобников* 1849 – *Скобников А.* Старицкого уезда села Хранива и приходских к нему деревень этнография. 1849 г. // Архив РГО. Р. 41. Оп. 1. Д. 29.
- Соколов* 1850 – *Соколов.* Приход села Шульца Ярославской губернии Ростовского уезда. Рукоп. 1850 г. // Архив РГО. Р. 47. Д. 28.
- Спасский* 1849 – *Спасский А.* Этнографическое описание жителей Нижегородской губернии Васильского уезда села Спасского. 1849 г. // Архив РГО. Р. 23. Д. 69.
- Срезневский* 1904 – *Срезневский В.И.* Поездка в Петрозаводск и Заонежье // Изв. отделения русского языка и литературы Академии наук. Т. IX. Кн. 3. СПб., 1904.
- Станюкович* 1970 – *Станюкович Т.В.* Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. М., 1970.
- Студитов* 1854 – *Студитов Г.* Этнографические описания, объемлющие местность Олонецкой губернии Пудоожского уезда... 1854 г. // Архив РГО. Р. 25. Оп. 1. Д. 27.
- Судаков* 1848 – *Судаков И.Ф.* Сведения о русском народе, живущем в округе села Кушалина (Тверского уезда). 1848 г. // Архив РГО. Р. 41. Оп. 1. Д. 67.
- Тароева* 1965 – *Тароева Р.Ф.* Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л., 1965.
- Тихомиров* 1849 – *Тихомиров М.* Сведения... относительно наружности, языка, домашнего быта, умственных способностей и образования, народных преданий и памятников жителей города Великих Лук и окрестностей онаго. 1849 г. // Архив РГО. Р. 32. Д. 14.
- Топорков* 1985 – *Топорков А.Л.* Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Трифонова* 1992 – *Трифонова Л.В.* Традиционный интерьер Заонежского жилища и связанный с ним бытовой уклад // Заонежский сб.: Заонежье.
- Труды* 1884 – Труды статистической экспедиции, снаряженной в 1883 году Казанским губернским земством. Казань, 1884.
- Ушаков* 1994 – *Ушаков Ю.С.* Народное деревянное зодчество (XV–XVIII вв.) // История русской архитектуры. СПб., 1994.
- Шенников* 1993 – *Шенников А.А.* Двор крестьян Неудачки Петрова и Шестачки Андреева. Как были устроены усадьбы русских крестьян в XVI в. СПб., 1993.
- Якушкин* 1859 – *Якушкин П.И.* Путевые записки из Псковской губернии // Русская беседа. 1859. № 6.
- Erdmann* 1822 – *Erdmann J.F.* Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland. Bd. I. Riga; Dorpat, 1822.

A.O. Sludniakov. The Table and the Red Corner in the Interior Design of the Peasant Hut of the Northwest and the Upper Volga Region

The author traces the evolution of the interior design of the peasant hut in the Russian Northwest from the seventeenth through the twentieth century. Drawing on a variety of written sources and archival materials, he argues that the tradition of placing icons into the corner diagonally opposing the stove began emerging in peasants' huts in the early eighteenth century. He further argues that the place of the table in the hut was not uniform in the nineteenth and twentieth centuries and went through a certain sequence of changes, which was typical of both Russians and non-Russian peoples inhabiting the region.